

Н.П. Матханова*

N.P. Matkhanova*

**Воспоминания генерал-майора
А.В. Глинского о сибирской службе
(к характеристике источника)****

**Memoirs of major-general
A.V. Glinsky of the Siberian service
(to the source characteristic)****

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-2-11

УДК 94(57)"187/188":821.161.1-94

Выходные данные для цитирования:

Матханова Н.П. Воспоминания генерал-майора А.В. Глинского о сибирской службе (к характеристике источника) // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). Статья 11. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-11.pdf>

DOI:10.31518/2618-9100-2019-2-11

How to cite:

Matkhanova N.P. Memoirs of major-general A.V. Glinsky of the Siberian service (to the source characteristic) // Historical Courier, 2019, # 2 (4). Article 11. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-11.pdf>

Abstract: The article introduces a new source of personal origin into scientific use. The author of the memoirs was a man of low military rank, he became a general many years later, on the eve of creating the text. Of the thousands of officers who served in Siberia in the XIX century, A.V. Glinsky stands out primarily by the fact of creation of memoirs. They characterize the situation in the civil and military administration, the armed forces and the system of supervision of penal servitude and exile in the region in the 1870s – 1880s.

The article reconstructs the main stages of the author's biography; traces the fate of the manuscript; shows the informational capabilities of the source.

Of particular value is the characteristic of the real life and real activities of the Siberian officer: the organization of the summer camp, the arrangement of the barracks and the life of the Cossacks and soldiers, the relationship with superiors, subordinates and colleagues. The author of memories provides unique information about individual military administrators, especially the Trans-Baikal governors – as a rule, negative. Of great interest are the source materials on the Siberian merchants and individual merchants. The most important is the description of the Siberian penal servitude, the difficulties and problems of the convoy service, the story of the escape and capture of political prisoners – I.N. Myshkin and his comrades, account of the actions of the Cossacks, on "restoring order" in prison, led by the memoirs' author himself.

Glinsky's memoirs provide an opportunity to present his views and moods, his critical and even accusatory attitude towards the orders that existed in Siberia at that time.

Keywords: memoirs of the military; Siberia of the XIX century; governors of the Trans-Baikal region; political hard labor.

The article has been received by the editor on 15.1.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: В статье вводится в научный оборот новый источник личного происхождения. Автор воспоминаний – военный невысокого ранга, генералом он стал через много лет, накануне создания текста. Из тысяч офицеров, служивших в Сибири в XIX в., А.В. Глинский выделяется прежде всего самым фактом создания мемуаров. В них характеризуется ситуация в гражданской и военной администрации, вооруженных силах и системе надзора за каторгой и ссылкой в регионе в 1870-х – 1880-х гг.

* Матханова Наталья Петровна, д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, (г. Новосибирск, Россия), e-mail: istochnik_history@mail.ru

Matkhanova Natalya Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of history SB RAS, (Novosibirsk, Russia), e-mail: istochnik_history@mail.ru

** Благодарю за помощь и советы В.И. Баяндина и Н.Н. Родигину.

Реконструированы основные этапы служебной биографии автора, прослежена судьба рукописи, показаны информационные возможности источника.

Особую ценность имеет характеристика реальной жизни и реальной деятельности сибирского офицера: организация летнего лагеря, обустройство казарм и быта казаков и солдат, взаимоотношения с начальством, подчиненными и сослуживцами. Приводятся уникальные сведения об отдельных военных администраторах, прежде всего, забайкальских губернаторах – как правило, негативные. Очень интересны имеющиеся в источнике материалы о сибирском купечестве и отдельных купцах. Наибольшее значение представляет описание сибирской каторги, трудностей и проблем конвойной службы, рассказ о побеге и поимке политических заключенных – И.Н. Мышкина и его товарищей, о действиях казаков во главе с самим автором мемуаров по «наведению порядка» в тюрьме.

Мемуары Глинского дают возможность представить его взгляды и настроения, его критическое и даже обличительное отношение к существовавшим в Сибири описываемого времени порядкам.

Ключевые слова: мемуары военных; Сибирь XIX в.; губернаторы Забайкальской области; политическая каторга.

* * *

В корпусе сибирской мемуаристики XIX в. имеются тексты, созданные профессиональными военными: из 1000 с лишним произведений, статус авторов которых удалось установить, военными написано 150 с небольшим¹. Особая ценность военных мемуаров как источника обусловлена еще и серьезной ролью военнослужащих в Сибири². Тем больший интерес имеют обширные воспоминания А.В. Глинского³, характеризующие ситуацию в гражданской и военной администрации, вооруженных силах и системе надзора за каторгой и ссылкой в Сибири 1870-х – 1880-х гг.

Сведения об авторе приведены в картотеке проекта «Русская армия в Великой войне»⁴. Они уточнены на основании «Списка полковникам по старшинству», составленном по 1 сентября 1900 г.⁵, а также предисловия А.В. Жиркевича⁶, предпосланном рассматриваемым воспоминаниям. В совокупности имеются такие основные биографические данные. Антон (Антоний) Викторович Глинский, из потомственных дворян, православный, родился 14 мая 1847 г., учился в Новгородском имени гр. Аракчеева кадетском корпусе, и еще 2 года в Константиновском училище, подпоручик – с 11 августа 1867 г., поручик – 1 апреля 1870, штабс-капитан – 13 июня 1872, капитан (за отличие) – 30 августа 1879, майор (за отличие) – 15 мая 1883, подполковник – 6 мая 1884, полковник – 1897; в отставке с 27 июля 1874 до 17 февраля 1875 г., начальник Верхнеудинской местной команды – с 14 мая 1877 до 13 июля 1881, начальник Читинской местной команды – с 13 июля 1881 до 15 мая 1883 г., Игуменский воинский начальник – с 5 августа 1895 до 5 октября 1897 г., Тетюшский уездный воинский начальник – с 5 октября 1897 г., Симбирский уездный воинский начальник – с 1901, уволен от службы с производством в генерал-майоры в 1905 г., определен на службу командующим 214-м пехотным запасным батальоном – с 1914, командующий 214 пехотным запасным полком – с 1916, уволен от службы за болезнью

¹ Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 109.

² Баяндин В.И. Военная история Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. в мемуарах современников // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 30–33.

³ Отдел рукописей РГБ. Ф. 178, Музейное собрание. № 8323. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте в круглых скобках, с указанием только листов.

⁴ URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=4892> (дата обращения: 10.12.2017).

⁵ Список полковникам по старшинству. Сост. по 1 сент. 1900 г. СПб.: Военная типография, 1900. С. 626.

⁶ Жиркевич Александр Владимирович (1857–1927) – литератор, военный юрист, автор ряда книг и статей о положении осужденных по военным преступлениям, коллекционер. В 1915–1926 гг. жил в Симбирске, занимался культурно-просветительной деятельностью, служил архивариусом (Жиркевич-Подлесских Н.Г., Хмелевская Н.А. Жиркевич Александр Владимирович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г–К. М.: Большая российская энциклопедия; ФИАНИТ, 1992. С. 269–271.

24 июля 1917 г. Ордена: Св. Станислава 3-й ст. (1890), Св. Анны 3-й ст. (1895), Св. Станислава 2-й ст. (1900), Св. Станислава 1-й ст. (1915), Св. Анны 1-й ст. (1916).

Сухая информация официальных справочных изданий, из которых почерпнуты приведенные сведения, может быть дополнена на основании написанных Глинским эго-документов. Во-первых, это те воспоминания, о которых пойдет речь, и предисловие к ним Жиркевича, основанное, вероятно, на рассказах самого мемуариста. Глинский очень не хотел ехать в далекую Сибирь, он даже пытался уклониться от выполнения приказа. В 1873 г., получив приказ о переводе из Петрозаводского 103-го пехотного полка в 3-й пеший батальон Забайкальского казачьего войска, штабс-капитан «не поехал», через год был «исключен из полка и определен вновь в 1-й пеший батальон» ЗКВ (л. II–II об.). И только после этого отправился в Сибирь, куда и прибыл в 1875 г. Нежелание объяснялось и семейным положением – был женат, «подъемных» на дорогу хватило в обрез. В 1876 г. он был назначен и.д. начальника Верхнеудинской местной команды (л. 65–65 об.), в 1883 г. переведен в линейный батальон в Троицкосавск (л. 108), в 1885 г. ему было поручено заведовать передвижением новобранцев по Забайкалью, Амурской и Приморской областям (л. 157 об.–158). В 1888 г. удалось добиться перевода в 118-й пехотный Шуйский полк, расположенный в окрестностях Бобруйска (л. 192–192 об.). Таким образом, «ровно через 13 лет» Глинские «вернулись живы и здоровы на родину в г. Пинск» (л. 196 об.)

Второй эго-документ, с которым мне, к сожалению, не удалось ознакомиться, – это «Дневник за январь – август 1917 г.», хранящийся в личном фонде Глинского в архиве Ульяновской области⁷. Некоторые сведения из него приведены в анонимной статье «Дневник генерала Глинского», опубликованной на одном из ульяновских сайтов⁸. Журналист цитировал названный источник: «“Что-то делается в Петрограде, слухи разные. Получаю депеши и распоряжения на случай возникновения беспорядков. Газет нет”, – писал он 3 марта 1917 года, на другой день после отречения от престола Николая II. А уже два дня спустя генерал докладывал новому военному министру о безусловной поддержке всеми частями вверенного ему полка и Новохопёрского гарнизона в числе 1 генерала, 2 штаб- и 165 обер-офицеров, 3 врачей, 9 чиновников, 1 священника и 7430 нижних чинов, готовности “повергнуть все свои нравственные, умственные и физические силы на пользу Отечества и достижения полной победы над врагом”». И вторая цитата: «“Ездил с генералом Жиркевичем на Симбирское военное кладбище, все лежит к тому, что мне от этого кладбища не уйти...”», – записал Антоний Викторович 16 июня 1917 года. Слова оказались пророческими, и летом 1917 года старого бойца действительно не стало. Его погребли на благоустроенном его усилиями военно-гарнизонном кладбище, рядом с часовней. “... В Симбирск надвигается голод, совсем не привозят на базар яиц и картофеля”, – такова последняя запись»⁹. В предисловии А.В. Жиркевича приведены те же данные с одним существенным уточнением: «Умер в Симбирске 3 октября 1918 г.» (л. III об.).

Перейду к характеристике воспоминаний о службе в Сибири.

Рукопись – автограф с правкой и пометами чернилами и карандашом, занимающий около 200 листов с оборотами. На л. I – III об. – записи А.В. Жиркевича о получении рукописи от вдовы Глинского в 1918 г. в Симбирске, содержании воспоминаний с краткими сведениями об авторе; на л. III об. – запись К.С. Шохор-Троцкого о получении рукописи от Жиркевича¹⁰. В автобиографических записках А.В. Жиркевича «Потревоженные тени», опубликованных его правнучкой, и воспоминаниях сотрудника Государственного музея Л.Н. Толстого В.А. Жданова рассказано об обстоятельствах передачи его архива в музей¹¹. Очевидно, из

⁷ Государственный архив Ульяновской области. Ф. 848. Оп. 1. Д. 1. [URL: www.oguguo.ru/fonds/index.php?act=opis&id=486223 (дата обращения: 10.12.2017)].

⁸ URL: <https://ulpressa.ru/2004/09/10/article1849/> (дата обращения: 10.12.2017).

⁹ Там же.

¹⁰ Шохор-Троцкий Константин Семенович (1892–1937), литературовед, сотрудник Гос. музея Л.Н. Толстого [URL: http://tolstoy-manuscript.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=95:f62&catid=3:c-family-guide&Itemid=10 (дата обращения: 05.01.2019)].

музея Л.Н. Толстого рукопись Глинского попала в Румянцевский музей, в фонде которого и находится¹².

Воспоминания были завершены Глинским в Тетюшах в апреле 1909 г. (л. 196 об.) и в 1918 переданы вдовой мемуариста Ольгой Викторовной генералу Жиркевичу. Заглавие дано автором и несколько раз исправлялось: сначала было написано «Впечатления», потом «Воспоминания», сначала о «двенадцати», потом – «тринадцатилетней», сначала «жизни», потом – «службе и жизни», затем вписано над строкой – «дореформенной». Окончательное: «Воспоминания о тринадцатилетней службе и жизни в дореформенной Восточной Сибири с 1875 года по 1888 год, или дореформенная Восточная Сибирь тридцать лет тому назад». Глинский действительно служил в Сибири немногим более 12 лет, а работа над текстом велась через 30 лет после возвращения. Слова «дореформенная Сибирь» нуждаются в толковании – возможно, под реформами имеются в виду те преобразования в управлении регионом, которые происходили в конце XIX в.

Думаю, что в основе воспоминаний лежат дневниковые записи. В пользу этого предположения говорят и факт ведения дневника в поздние годы, и точные даты в тексте, и изменения оценок при характеристике сибирских реалий. Изложение ведется в хронологическом порядке, с небольшими отступлениями от него. Повествование построено вокруг двух основных тем. Во-первых, собственной службы, и в этом смысле сочинение является автобиографией; во-вторых, – описания региона, в этом отношении оно близко к путевым запискам.

Рассмотрим информационные возможности этого источника.

Во-первых, как всякий эго-текст, он содержит дополнительные сведения об авторе, не отраженные в официальных документах. Часть их уже приведена выше. Кроме того, выясняется, что Глинский имел очень смутные представления о Сибири и ничего не знал о ней, «кроме элементарных географических сведений и массы баснословных рассказов» (л. 1). Он толком не знал даже того, какая форма была присвоена забайкальским казакам – сшитый

¹¹ Во время поездки в 1923 г. по Поволжью в поисках рукописей Толстого сотрудники Гос. музея Л.Н. Толстого К.С. Шохор-Троцкий и В.А. Жданов разыскали известного коллекционера и корреспондента Толстого А.В. Жиркевича, озабоченного судьбой личного архива и коллекции. Они предложили ему передать все это в музей (продавать владелец отказался), а также предоставить «самому Жиркевичу комнату во флигеле Хамовнического музея, временно, пока он будет заниматься разборкой своих бумаг... Ящики переехали в Москву с владельцем». Сам он выехал для устройства имущественных и личных дел в Вильно, где через год умер (Жиркевич А.В. Встречи с Толстым. Дневники. Письма / сост., авт. вступ. ст. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. Тула: изд. дом «Ясная поляна», 2009. С. 745–746; Жданов В.А. Рукописи Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник. 1968. Тула, 1968. С. 73–74).

¹² Описание см.: Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII–XIX в.: из фондов Отдела рукописей [Библиотеки им. В.И. Ленина] / под ред. П.А. Зайончковского и Е.Н. Коншиной; сост. С.В. Житомирская, К.Р. Каменецкая, И.В. Кузьменко, Е.Н. Коншина. М.: б/и, 1951. С. 69.

в Москве мундир пришлось перешивать (л. 20 об.). Первые впечатления были крайне негативными, а часто и неверными. Иркутск показался унылым провинциальным городишкой, в котором «на улицах росла трава, а около штаба и казначейства гуляли свиньи» (л. 20 об.). Все буряты назывались «язычниками ламаитами», хотя известно, что к этому времени многие из них уже приняли православие. Воспроизведен распространенный миф о том, что все забайкальские пешие казаки происходили из «яицких и донских казаков, были очень склонны к военной службе» (л. 59). Напомню, что Забайкальское пешее казачье войско было образовано в 1851 г. путем перечисления в него крестьян Нерчинского горно-заводского округа. Совершенно неверно утверждение, что администрация узнала о существовании карагасов после того, как те случайно вышли из тайги (л. 86 об.) – с карагасов (тофаларов) давно брали ясак. Как видим, представление о Сибири как о неизвестной земле сохраняется даже в 1870-е годы.

Во-вторых, в мемуарах Глинского приведено немало сведений об офицерском корпусе. Они не слишком противоречат известным фактам, однако дают новые сведения и дополнительные краски. «Природных казаков Забайкалья в офицерских чинах в то время были единицы, а потому все Забайкальское казачье войско комплектовалось регулярными офицерами Европейской России, преимущественно прокутившимися гвардейцами и нетерпимыми элементами армии... институт тогдашних офицеров Забайкалья представлял из себя смесь одежд, лиц, племен, наречий и состояний... Общее свойство было пьянство, картеж и разврат» (л. 35 об.–36). Особенно плох, по его словам, был офицерский корпус при генерал-губернаторе П.А. Фредериксе – «сбор прокутившихся в Петербурге маменькиных сынков, поправляющих свои обстоятельства» (л. 21 об.). Даже с поправкой на известную неприязнь армейцев к гвардейским офицерам значение этого свидетельства заключается в том, что он исходит из офицерской, а не из казачьей среды. Приводится немало фактов о взяточничестве, произволе, пьянстве, растратах казенных денег и прочих безобразиях конкретных офицеров, особенно из числа заведовавших ссыльно-каторжными (л. 54, 59 об. и др.). Редко, но встречаются и похвалы в адрес отдельных сослуживцев. Так, о командире конной батареи полковнике Ермолаеве сказано: «идеальный командир», а его часть названа «молодецкой» (л. 131 об.). Вообще, в тексте имеется очень много критических и даже обличительных замечаний о начальстве и сослуживцах, о порядках вообще.

Несмотря на рассказы о многочисленных конфликтах с начальством и сослуживцами, в мемуарах говорится и об обычных формах совместного досуга – визитах, любительских спектаклях, других развлечениях.

В-третьих, автор довольно подробно описывает быт нижних чинов – как солдат, так и казаков. Одно из первых поручений заключалось в управлении летним лагерем казаков, находившимся на берегу реки Аргунь. «Батальон составлял четыре сотни, состоящие из кадра и переменного состава (малолетков); в нем в течение целого лета происходило

обучение этих малолетков (новобранцев) и надо отдать справедливость – достигало таких результатов, о каких даже и нечего думать в войсках Европейской России». Казаки «стреляли идеально». Кроме того, все были грамотны, «так что все теоретические занятия усваивались очень скоро и основательно. Идиоты в сотнях считались единицами... Словом, пешее войско, собственно нижние чины, были вполне на высоте своего призвания казака, охраняющего престиж своей метрополии и границы своего отечества» (л. 59).

Есть в тексте любопытные детали, характеризующие патриархальность воинского быта. Прибыв в Верхнеудинск, Глинский обнаружил отсутствие цейхгауза. Он решил «занять без указания сверху пустующие лавки гостиного двора под цейхгауз», а затем «заставил» городские власти выстроить новый (л. 69 об.–70).

Затем командир привел в порядок казармы и обустроил их «роскошно: железные кровати, тюфяки, подушки, одеяла, простыни, зеркало, умывальники, столы в столовой обитые клеенкой, столовая деревянная посуда на каждого с ложками и вилками, чашки, поднос для хлеба, отличное керосиновое освещение, тройка сытых артельных лошадей с отличной упряжью и повозками. Командующий... назвал... обстановку кадетской (то есть приравнял ее к существовавшей в офицерских училищах – Н.М.). Для приготовительных к стрельбе упражнений, гимнастики и фехтования имели полные серии приборов и машин; обучение грамоте было произведено мною лично. Неграмотных [из числа] прослуживших в команде год, вовсе не было» (л. 77 об.–78). Для оценки приводимых сведений следует учесть, что «казенного снабжения постельным бельем до 1905 г. не существовало, и воинские части заводи́ли его за счет собственных средств»¹³, обучение грамоте в русской армии второй половины XIX в. было достаточно распространенной практикой¹⁴.

Для развлечения Глинский организовал «чтение при помощи волшебного фонаря, солдатские спектакли с участием солдатских семейств», хор, в праздники – вечера с танцами и угощениями, «в Рождество – елку для солдат и солдатских детей с подарками. Мальчики были одеты в форменные солдатские мундиры и шинели, с 8 лет обучались в школе. Приглашаемый мною священник раз в неделю проводил религиозно-нравственные беседы». В праздничные дни солдаты под наблюдением командира ходили в церковь, «не отказывались даже сектанты» (сектантами Глинский, как и многие приезжавшие из центра офицеры и чиновники, именовал староверов), в царские дни проводили парады (л. 78 об.). Под началом Глинского находились так называемые местные команды, одной из обязанностей которых было несение караульной и охранной службы. Автор цитирует собственные внушения подчиненным: «...тот солдат, который будет в мирное время, преодолевая собственное утомление, не взирая на мороз, дождь, снег, ветер, бурю, не доест и

¹³ Гефнер О.В. Повседневная жизнь нижних чинов армии в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 141.

¹⁴ Баяндин В.И. Обучение грамоте и чтению нижнего чина в русской армии во второй половине XIX в. // Шестые Макушинские чтения. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 126–127.

не доспит, будет внимательно стоять на часах и охранять тюрьму от бегов арестантов, т. е. внутренних врагов государства, тот будет вполне надежен и на войне, охраняя армии от нечаянных нападений наружных врагов» (л. 76 об.). Тут же рассказывается об «оригинальном типе сибирского дезертира»: «...беглому каторжнику надое[да]ло шляться и он, чтобы быть в тепле, всегда хорошо накормленным и одетым, является в полк и заявляет, что он беглый солдат», и остается там, пока о нем ведется переписка (л. 81). Несколько строк отведено староверам, которые характеризуются с точки зрения командира: «... уроженцы Забайкалья, народ развитой и с вольными взглядами» (л. 76 об.); «народ зажиточный и, можно сказать, богатый, рослый, здоровый и красивый, почти весь набор новобранцев смело можно было отправлять в гвардию» (л. 84 об.).

В-четвертых, присутствуют характеристика военной и гражданской администрации, а также оценки ее отдельных деятелей. Например, о генерал-губернаторе Восточной Сибири в 1873–1879 гг. П.А. Фредериксе: «...длинный, сухой, желчный немец, кроме того, надо полагать, с сомнительной честностью, производил крайне неприятное впечатление; может быть, он был хороший полицейский, как долго служивший в корпусе жандармов... администратором он был очень плохим, а командующим войсками еще того хуже» (л. 21 об.). Подобные обвинения были не единичны – Л.М. Жемчужников, родственник известного государственного деятеля, сенатора и бывшего тобольского губернатора В.А. Арцимовича, приводил в своих мемуарах «слух, что Фридерикс, служа в Сибири, обкрадывал солдат»¹⁵. Больше написано о забайкальских губернаторах. Вряд ли Глинский был прав в своей характеристике И.К. Педашенко. О нем сказано, что это был «в сущности очень добрый человек, но страдающий всяким отсутствием воли, энергии и нужных для губернатора знаний... войск, которыми считался командующим, попросту не любил, старался их пореже видеть и не понимал, зачем они вечно и чему-то учатся, вечно стреляют, только тратят понапрасну казенные деньги» (л. 65–65 об.). Об энергичности и добросовестности забайкальского военного губернатора в 1874–1880 гг. Педашенко есть много свидетельств¹⁶, а вот его отношение к учениям могло отличаться от усвоенного пехотным штабс-капитаном. Преемник Педашенко, забайкальский губернатор в 1880–1884 гг. Л.И. Ильяшевич поначалу удостоился похвалы – «образованный... умный... хорошо знакомый с современным состоянием военного дела» (л. 92 об.). На него возлагались большие надежды – что «этот новый сибирский деятель даст толчок Забайкалью и разбудит его от вечной спячки и оскудения всех моральных сил» (л. 93). С тем большей горечью и даже озлоблением через несколько страниц говорилось о несправедливых обвинениях Ильяшевичем нескольких честных офицеров (л. 132), о мошенничестве и вымогательстве с его стороны (л. 133 об.–134). Такую негативную оценку подтверждает свидетельство находившегося на Каре народника Ф.Г. Богдановича. В статье Л.М. Дамешека и А.В. Филатова приводятся его воспоминания о том, как тюремного врача заставили принять «тухлое мясо», так как «одним из поставщиков этого транспорта мяса был сам губернатор» Ильяшевич¹⁷. На этом фоне выделяется комплиментарная оценка приамурского генерал-губернатора 1884–1893 гг. А.Н. Корфа: «Замечательно хороший был человек барон Корф... Дом его в Хабаровске – это была какая-то гостиница, все пользовались гостеприимством и чисто русским хлебосольством хозяев... зачастую генерал подъезжал к церкви в простых розвальнях и незаметно пробирался в церковь, в то время, когда полиция ожидала его приезда у парадных ворот, словом, Корф был человек популярный и правдивый; хотя жил выше средств и, как говорят, был в долгах» (л. 176).

¹⁵ Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2009. С. 560.

¹⁶ Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 183; Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 г. // Мемуары сибиряков. XIX век / серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. 11. Новосибирск, Сибирский хронограф, 2003. С. 234, 235, 240.

¹⁷ Дамешек Л.М., Филатов А.В. Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Иркутск: Оттиск, 2009. Вып. 5 (17). С. 234.

Наряду с персональными характеристиками, у Глинского есть оригинальные и серьезные наблюдения об обязанностях забайкальского губернатора: как губернатор он подписывал 25 тыс. номеров, исходящих в год, как командующий казаками – 12 тыс., войсками – 13 тыс. «Такая деятельность... требовала гениальных способностей, притом крайне разнообразных, нужно быть: юристом, тюремщиком, администратором, сельским хозяином... колонизатором и цивилизатором... стратегом, тактиком и военным гением вообще» (л. 34 об.).

В-пятых, имеются интересные описания и оценки сибирского купечества. Об известном купце Глинский писал: «Немчинов, говорят, пришел из г. Тара Тобольской губернии простым возчиком обоза с рыбой, а через 50 лет он сделался миллионером» (л. 137). Скорее всего, имеется в виду Я.А. Немчинов (1812–1894) – выходец из тарских мещан, ставший одним из самых богатых людей Сибири¹⁸. Затем мемуарист переходит к восхвалению кяхтинского купечества и самой Кяхты: «Это люди, начавшие свою деятельность на плантациях в Китае среди американцев и других <культурных>¹⁹ образованных народов и проявившие свою деятельность у себя на родине; чего, например, не было у них в Кяхте; отличное шоссе от Кяхты через весь Троицкосавск, прекрасный православный собор, на колокольне часы с курантами, такие же, как на Петропавловском соборе в Петербурге, алтарь литого золота, в иконостасе образа мозаиковые, колонны хрустальные (так в тексте – *Н.М.*), отличный хор певчих, весь причт содержится на счет купцов; имеется свое общественное собрание со сценой для театра; библиотека, врач акушерка, пожарная команда, почта и телеграф, и своя полиция; все это содержится на так называемую аксиденцию, то есть особый денежный сбор с каждого цибика чая, проследовавшего через кяхтинский гостинный двор; на эти же средства устраиваются роскошные приемы приезжающего начальства. Оно ничего не видит и не слышит... Сами кяхтинские купцы живут роскошно... У многих красуются в шкафах библиотеки, причем книги в изящных и дорогих переплетах, в числе их можно заметить Историю цивилизации англ[ичанина] Бокля» (л. 137–137 об.). Попутно говорится, но с чужих слов, о золотопромышленности, «составлявшей в то время главную статью доходов как Сибири, так и всего государства» (л. 49), но использующей примитивные способы, основанные на ручном труде (л. 52–52 об.).

Знаменитому купцу Михаилу Дмитриевичу Бутину – «сибирскому самородку» – написан просто панегирик. «Местный абориген, не получивший никакого образования, побывав в Америке и Европе, набрался такого практического взгляда на вещи, что своими разнообразными предприятиями наводнил всю Восточную Сибирь; кроме коммерческих дел... Бутин преследовал патриотические цели, был природный музыкант-виртуоз и вместе с тем человек в высшей степени простой и доступный; по наружному виду он представлял американца на русской почве; у него были: свой банк, огромные золотые прииски, огромная мануфактурная торговля, железоделательный и винокурный заводы, пароходство» (л. 47–47 об.). Михаил Дмитриевич Бутин (1836–1907), действительно, был самым известным и богатым нерчинским купцом, в собственности «Торгового дома братьев Бутиных» имелись винокурные, солеваренные и металлургические заводы, золотые прииски, пароходство, ими был организован Нерчинский городской общественный банк²⁰. Правдивы не только эти, но и кажущиеся недостоверными или сомнительными сведения: о создании в Нерчинске консерватории, наличии своего телеграфа и даже телефона. Консерватории, разумеется, не было, но существовали музыкальная школа, оркестр и Отделение Русского музыкального общества²¹; в издании общественно-литературной газеты «Нерчинский телефон» власти

¹⁸ Жиров А.А. Немчиновы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Т. 2. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. С. 87.

¹⁹ Здесь и далее в угловых скобках помещен зачеркнутый автором текст.

²⁰ Петряев Е.Д. Нерчинск. Очерки культуры прошлого. Чита: Читинское книж. изд-во, 1959. С. 57–58; Зуев А.С. Бутин Михаил Дмитриевич // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири. Т. 1. С. 103.

²¹ Петряев Е.Д. Нерчинск: Очерки культуры прошлого. С. 58, 65, 66; Ушакова О.В. Михаил Дмитриевич Бутин. Предприниматель и меценат Забайкалья. (60-е гг. XIX – начало XX в.). Новосибирск: Новосибирское книж. изд-во, 2006. С. 106.

отказали, но удалось наладить распространение «периодическими листками телеграмм Северного телеграфного агентства»²². Правдоподобны и имеют основания в реальности²³ и другие утверждения: «Бутин был вполне <культурный> выдающийся деятель Сибири; если он строил пароход, то непременно... из русского железа, русскими рабочими; у него на службе редко можно было встретить иностранца. В Нерчинске он настроил себе положительно царских дворцов, с зимними садами, с массой певчих птиц. К дню своей свадьбы он выписал из Парижской всемирной выставки зеркало, величиною в стену, и чтобы его установить, пришлось разобрать целую стену каменного дома; <какие чудные пальмы он получал из Японии для своих зимних садов>, кому удавалось побывать в бутинских хоромы, тот наверное забывал о своем нахождении в холодной Сибири, а чувствовал себя <так>, как бы в самом уютном уголке Западной Европы» (л. 47). Сходным образом описывал «дворец» Бутиных Дж. Кеннан, посетивший Нерчинск²⁴. Далее приведена информация, полученная от других: «Состояние этого владыки Восточной Сибири было колоссальное, но говорили, что в наличности у него никогда не было копейки в банке, все суммы были в обороте; и действительно, сильно разбросавшись, Бутин чуть не очутился банкротом, но правительство, охраняя интересы жителей Сибири, поддержало его, дав порядочную субсидию; но случилось какое-то бедствие, недостаток воды на золотых приисках, неурожай хлеба, нужного для винокурения, авария с пароходами, и Бутин попал под администрацию, которая его здорово обобрала, и фирма его захирела, кажется, до степени полного упадка. В Сибири такие явления не редкость. Моментально богат делается нищим и, наоборот, нищий легко приобретает богатство» (л. 47–48). В начале 1880-х гг. конкуренты добились банкротства фирмы Бутиных, но М.Д. Бутин выиграл судебный процесс и сумел довольно выгодно продать остатки имущества²⁵.

В-шестых, довольно подробно рассказывается об «особом мире сибирской каторги... обособленном, имеющем свои законы, правила, традиции и учреждения» (л. 80 об.). Важной задачей местных команд была охрана тюрем и Глинский с гордостью замечал: из охраняемых моей командой тюрем за всю мою службу за Байкалом не было успешных побегов (л. 76 об.). В то же время немало страниц посвящено повествованиям о побеге и бунтах заключенных, вследствие слишком, как он считал, вольных порядков для «политических», об их поиске и поимке (л. 109–114 об.), в том числе и о побеге И.Н. Мышкина и его товарищей.

Место каторги и ссылки в системе наказаний по законодательству Российской империи, режим содержания заключенных, их правовое и материальное положение, как и положение ссыльных, были предметом изучения многих исследователей²⁶. Но в большинстве книг и

²² Петряев Е.Д. Нерчинск: Очерки культуры прошлого. С. 69.

²³ См.: Петряев Е.Д. Нерчинск: Очерки культуры прошлого. С. 58; Ушакова О.В. Михаил Дмитриевич Бутин: предприниматель и меценат Забайкалья.

²⁴ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.) в 2 т. / пер. с англ. И.А. Богданова, подготовка текста, примечания и именной указатель Е.И. Меламеда. Т. 2. СПб.: изд-во «Русско-Балтийский информационный центр, 1999. С. 222–224. О «Бутинском дворце» см. также: Ушакова О.В. Михаил Дмитриевич Бутин. Предприниматель и меценат Забайкалья. (60-е гг. XIX – начало XX в.). С. 40–42, 70–71; и др.

²⁵ Петряев Е.Д. Нерчинск: Очерки культуры прошлого. С. 71–73; Ушакова О.В. Михаил Дмитриевич Бутин: предприниматель и меценат Забайкалья. (60-е гг. XIX – начало XX в.). С. 207–215, 217–219, 221–231.

²⁶ Березина О.Б. Нерчинская каторга в системе пенитенциарных учреждений России в конце XIX – начале XX веков. Чита: Забайкальский ин-т потребительской кооперации, 2008; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. 1870–1900 гг. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948; Дамешек Л.М., Филатов А.В. Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: Оттиск, 2009. С. 223–240; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ссылка и каторга в имперском законодательстве // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 66–92; Иванов А.А. Забайкальская ссылка на иркутском сайте www.renpolit.ru // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). С. 62–70; Иванов А.А. Законодательство о ссылке и его применение в Сибири во второй половине XIX в. // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). Эл. журнал. 2011. № 4. (<http://eizvestia.isla.ru>); Иванов А.А. Сибирская политическая ссылка в исследованиях современников. Иркутск: Оттиск, 2013; Марголис А.Д.

статей эти вопросы освещаются в соответствии с законодательством, либо, если рассматривается реальность, то обычно – на основании свидетельств противников власти. В воспоминаниях Глинского представлена точка зрения другой стороны, однако он не был ни жандармом, ни тюремщиком, хотя и должен был заниматься охраной и надзором. Воинские части довольно широко использовались как полицейская сила²⁷.

А.В. Глинский со знанием дела писал о трудностях и проблемах конвойной службы в Сибири: солдат утомляли длительные переходы, зимой они промерзали, они не были обучены или были плохо обучены, так как на это не хватало времени (л. 101 об.). Кроме того, это были, по его мнению, «люди вечно сонные, истощенные, мешковатые», и даже «бесчувственные, глупые» (л. 102 об.). Особенно удручал уровень унтер-офицеров, значение которых для конвойной службы очень велико, т. к. они должны быть «самостоятельными и ответственными... В Сибири при громадных расстояниях, пересеченной местности, малонаселенности края, недостатке хлеба и съестных припасов, неудобстве и ветхости этапных и полуэтапных помещений, – конвойный унтер-офицер должен быть человек вполне развитой, знающий свое дело основательно, энергичный и настойчивый в своих требованиях, т.к. он 22 дня в месяц является ответственным за все последствия своих распоряжений, не имея руководителя и не будучи даже в состоянии спросить совета, т. к. начальник команды по закону только два раза в году обязан был сопровождать команду лично» (л. 102–102 об.). Но и начальники команд были не лучше – они ничего не читают, не развиты, пьющие (л. 103 об.).

Хотя и «начальники конвойных команд, и все нижние чины материально заинтересованы в исправном сопровождении арестантских партий, т. к. в случае отсутствия побега в течение года всем им производилось второе жалованье», побег, по словам мемуариста, были очень частыми (л. 102 об.). Одной из немаловажных причин Глинский считал ненормальную и неопределенную позицию властей по отношению к политической ссылке. «Почти по всем городам Забайкалья, – писал он, – жили административно-ссылные, которые не знали, за что они высланы и на какой срок. <Такая ссылка не была делаема по какому-либо решению суда, а была полным произволом генерал-губернаторов; без суда и следствия человека арестовывали, например, в Одессе или Петербурге, привозили в Верхнеудинск или Барнаул, и там давали ему 3 руб. в месяц, воспрещая такую деятельность, к которой он привык и которая для него составляла единственное средство к существованию. Если человек в чем-либо виновен, то расследуй его вину, суди и наказывай по закону, хоть по всей строгости, это будет власть, а не произвол; поэтому административной ссылки, да еще без определенного срока я никоим образом оправдывать не могу.> Все они жили наподобие нищих, хотя многие из них принадлежали к числу образованной интеллигенции и, разумеется, увеличивали собой число людей, недовольных правительством и существующими законами, что, конечно, имело разлагающее влияние на местных жителей, и без того не особенно дружелюбно относящихся к уроженцам коренной России» (л. 103 об.–104). Не менее резко отзывался Глинский о состоянии охраны тюрем: «В Чите при кражах и ограблениях полиция все украденное находила в казармах. Службу несли небрежно, побег арестантов случались почти каждую неделю, караульные пили с ними» (л. 107 об.).

Законодательство об административно-политической ссылке в России конца XIX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1982. С. 50–62; *Мошкина З.В.* Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX в. Чита: изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та, 1998; *Мошкина З.В.* «Конституция» политических заключенных Нерчинской каторги второй половины XIX в. // URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1226 (дата обращения: 21.01.2019); *Мошкина З.В.* Поведение политических узниц в условиях содержания на Нерчинской каторге в 80-е годы XIX века. // URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1002 (дата обращения: 21.01.2019); *Степанова (Шенмайер) Н.Г.* Каторга в системе карательной политики российского самодержавия // Сибирская ссылка. Вып. 2 (14). Иркутск: Оттиск, 2003. С. 184–198; и др.

²⁷ *Баяндин В.И.* Использование воинских частей регулярной армии как полицейской силы в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2011. № 3 (15). С. 81–85.

Но сочувствие административно-ссылным из числа «образованной интеллигенции» не означает перехода на их сторону. Мемуариста возмущает и непоследовательность власти, и чрезмерные, по его мнению, послабления осужденным по закону политссылным. Глинский утверждал: «...когда в Петербурге было тихо, то разрешалась каторжным вольная одежда, требовалось гуманное обращение и в тюрьмах пища, приготовляемая особым поваром, выписка книг и платья, имение на руках довольно больших денег, курение табаку... постоянные свидания с политическими арестантами женщинами, устройство в тюрьме спектаклей и даже издание журнала Кукиш, виньеткой которого служило тюремное окно с решеткой, из-за которой выкидывали двойной кукиш. ... Чуть же в Петербурге было неспокойно, все эти вольности и отступления от Устава о содержащихся под стражей, ставились в вину тюремной администрации, которая допускала их. Но всего этого было для арестантов мало: чтобы лучше подготовить и устроить побег, арестанты выхлопотали у Главного начальника тюремного управления Галкина-Враского, посетившего Кару, выстроить им отдельное здание мастерской, за тюремной оградой, чтобы они могли иметь возможность в ней заниматься ремеслами: столярным, токарным, малярным, сапожным, слесарным, кто чем хотел. И вот с постройкой этой мастерской началось ежеминутное шатание арестантов из тюрьмы в мастерскую и обратно... На места бежавших клали на кровати искусно сделанные куклы». (л. 110–110 об.). Постепенно караульные перестали понимать, сколько и кто именно находится в камере, что и сделало возможным побег Мышкина и его товарищей (л. 111). Еще больше возмущало Глинского поведение высокопоставленных ревизоров по отношению к политическим заключенным: «Приезжающие начальствующие лица держали себя замечательно любезно со ссылно-каторжными политическими преступниками, входит в тюрьму и видит такого господина в золотом пенсне. «Ваша фамилия – спрашивает сановник, – князь NN [отвечает арестант]; протягивает руку и говорит: «Очень приятно познакомиться»; инспектор пересылки арестантов накладывает солому, чтобы таким господам было мягче сидеть на возах в пути; после этого не угодно ли местной тюремной администрации держать политических ссыльных в законных условиях, вся уголовная каторга всегда возмущалась такому порядку вещей; понятно, что дело так дальше идти не могло» (л. 110 об.–111).

Приведенные сведения подтверждаются воспоминаниями бывших заключенных. Так, Н.Л. Геккер писал, что период до 11 мая 1882 г. – «это был период наибольших вольностей в тюрьме»²⁸. Разделяла эту оценку и Е.К. Брешко-Брешковская, которая писала через много лет: «В то время в сибирских тюрьмах не существовало какого-либо порядка»²⁹. Во многом совпадают слова мемуариста и с данными официальных документов, опубликованных в фундаментальном издании по истории Нерчинской политической каторги³⁰. Наиболее важен «Очерк истории политической тюрьмы на Каре», составленный «кем-то из чиновников Департамента полиции по распоряжению министра внутренних дел Д.А. Толстого»³¹. В нем перечислены те же проявления «послаблений» государственным преступникам: разрешение получать и читать книги и журналы, заниматься «письменными работами», «носить собственную одежду и обувь», курить, иметь «улучшенную пищу, которую им готовил повар из уголовных»³². Они издавали рукописный журнал «Кара» и «юмористический листок “Кукиш”»³³, устраивали «спектакли с музыкой и хоровыми песнями»³⁴. Подтверждаются и сведения об устройстве мастерских, об обращении на «вы», о запутывании караульных, размещении на койках специально «изготовленных чучел,

²⁸ Геккер Н.Л. Политическая каторга на Каре // Былое. 1906. № 9. С. 71.

²⁹ Брешко-Брешковская Е.К. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 181.

³⁰ Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1 / отв. ред. Л.М. Горюшкин / серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. II. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993.

³¹ Там же. С. 253–272.

³² Там же. С. 254–256, 264.

³³ Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. С. 245–247, 257, 264.

³⁴ Там же. С. 262.

представлявших как бы спящих преступников»³⁵. Правда, заведовавший до августа 1881 г. нерчинскими ссыльнокаторжными полковник В.О. Кононович, известный своим доброжелательным отношением к политзаключенным, отрицал большинство подобных фактов³⁶. Однако свидетельство А.В. Глинского является еще одним подтверждением справедливости приведенных полицейскими чиновниками сведений. В то же время в его мемуарах содержатся и неизвестные ранее детали. Так, о рукописном журнале «Кара» писали многие и его характеристика известна³⁷, но других описаний виньетки «Кукиша» встречать мне не приходилось. То же можно сказать и о видах ремесел, которыми занимались заключенные, и др. Есть в тексте и неточности – в частности, мастерские были устроены задолго до посещения каторги начальником Главного тюремного управления М.Н. Галкиным-Враским, который прибыл на Кару 20 апреля 1882 г. О существовании мастерских упоминалось в письмах «государственных преступников», обнаруженных при обысках и «писанных в марте и апреле» 1882 г.³⁸. Ошибка Глинского, намекавшего на попустительство со стороны Галкина-Враского, вероятно, не случайна – она отражает устойчивое представление об этом деятеле администрации и свидетельствует о его репутации³⁹.

Нерчинская каторга. Ссыльно-каторжная тюрьма в Усть-Каре, 1891 год.
Из альбома «Типы и виды Нерчинской каторги». Фотография А.К. Кузнецова.
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/644236>

Мнение Глинского о том, что «беспорядки» и даже побегі частично объяснялись колебаниями правительственного курса по отношению к каторжным, отсутствием четких и внятных инструкций, в косвенной форме подтверждал и направленный для ревизии Карийской каторги флигель-адъютант Норд⁴⁰.

Подробнейшим образом описал Глинский побег и поимку известных народников И.Н. Мышкина, Н.Е. Хрущева и их товарищей. Как известно, они бежали с карийской

³⁵ Там же. С. 258, 260, 261, 268.

³⁶ Там же. С. 256, 273.

³⁷ Зильберштейн Я., Плесков В.А. Тюремные журналы // Учеба и культработа в тюрьме и на каторге. Сборник статей и воспоминаний. М.: изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссылопоселенцев, 1932. С. 174–178.

³⁸ Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. С. 258.

³⁹ Зубов С.В. Михаил Николаевич Галкин-Враской. Государственная и общественная деятельность. Саратов: изд-во «КУБиК», 2017. С. 117–118.

⁴⁰ Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. С. 267, 268. Очевидно, это Лев Егорович Норд, флигель-адъютант, полковник л.-гв. Гусарского Е. В. полка (Адрес-календарь Российской империи на 1882 г. Ч. 1. СПб., 1882. Стб. 121).

каторги в апреле 1882 г. По словам Глинского, побег был обнаружен нескоро, Мышкин и Хрущев, задержанные по дороге в одной из станиц по Амуру, были отпущены, так как «предъявили паспорта читинских мещан Миронова и Назарова» (л. 112). Затем беглецы сели на проходивший «пароход, причем ехали вместе с амурским губернатором генералом Лазаревым, даже обедали за одним столом с ним и разговаривали, и проследовали в Хабаровск, а оттуда можно направиться в Владивосток, так как цель побега интеллигентных ссыльных всегда попасть в Америку, на заграничном судне. По получении этих сведений была запрошена по телеграфу Чита, оказалось, что лиц Миронова и Назарова в Чите никогда не существовало и читинский полицмейстер таких паспортов не выдавал». Мышкину и Хрущеву все же удалось добраться до Владивостока, где они «отправились на американское судно и нанялись на него матросами, но капитан судна потребовал, чтобы владивостокская полиция засвидетельствовала их личности. Тогда Хрущев остался на судне, а Мышкин явился к полицмейстеру и предъявил ему паспорт, прося дать разрешение на выезд, полицмейстер же уже знал из присланной ему телеграммы, что бежавшие владеют фальшивыми паспортами Миронова и Назарова, сейчас спросил Вы Миронов, а Назаров где, получил ответ, что Назаров на судне. Тогда подождите, я пошлю за Назаровым и тогда дам вам обоим разрешение; мнимый Назаров, т. е. Хрущев, ничего не подозревая, явился в полицию и тут же был арестован и сдан прибывшему за ним исправнику Письменнову, который их всех привез в Кару» (л. 112–112 об.). Таким образом, «двух бежавших загнали собаки, четырех доставили окрестные казаки, потому что интеллигентному человеку за Байкалом скрыться нельзя, а двух доставили из Владивостока» (л. 113).

Большая часть приводимых мемуаристом сведений и в этом случае подтверждается документами Департамента полиции. Следствие показало, что первыми еще 19 апреля 1882 г. бежали И.Н. Мышкин и Н.Е. Хрущев, следующие узники – 28, 29 и 30 апреля, но факт побега был обнаружен лишь в ночь на 1 мая⁴¹. О побеге рассказывается и в биографии И.Н. Мышкина, написанной известным историком В.С. Антоновым. Серьезных расхождений с текстом рассматриваемых мемуаров в ней нет, за исключением двух моментов. Во-первых, по его словам, бланки фальшивых паспортов были изготовлены на имена Казанова и Миронова; во-вторых, во Владивостоке беглецы пытались сесть на русский пароход, т. к. иностранного не было⁴². Из мемуаров Глинского выясняются многие ранее неизвестные детали как побега, так и поимки Мышкина и Хрущева.

То же можно сказать и о дальнейших событиях. В «Очерке истории политической тюрьмы на Каре» утверждалось, что после «обнаружения побега заключенные стали готовиться к вооруженному сопротивлению» в предвидении ужесточения порядков, в частности, обещанного им бритья головы. Вскоре, «в ночь на 11 мая, в присутствии губернатора Ильяшевича, тюрьма была окружена 800 козаков, которые заняли камеры и коридоры. Преступники по частям были выведены из тюрьмы, одеты в казенное платье, закованы, и из них 24 человека, в числе коих предполагали зачинщиков, были отправлены в Усть-Карийскую тюрьму... В тюрьме на Нижней Каре оставлено было 36 человек. Затем, когда в камере № 3 стали производить окончательную поверку, арестанты с остервенением бросились на конвойных, причем Старынкевич и Ястремский пустили досками в командующего 2 казачьим батальоном (содержащим на Каре караулы) подполковника Руденко. Сопротивление было остановлено пущенными в ход прикладами. С размещением по тюрьмам преступники были обреты и посажены на казенную пищу; караул в коридорах тюрьмы заняли козаки с ружьями»⁴³.

В мемуарах Глинского приведено больше деталей и несколько иначе расставлены акценты. Он писал: «Для приведения тюрьмы в порядок с рассветом с 10 на 11 мая в коридоры тюрьмы вошла сотня вооруженных казаков и моментально наложили замки на

⁴¹ Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. С. 261.

⁴² Антонов В.С. И. Мышкин – один из блестящей плеяды революционеров 70-х гг. М.: изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 69, 71.

⁴³ Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. С. 262.

пробой камер, таким образом разъединили арестантов, затем конвой с полковником Руденко вошел в первую камеру и начал брать по одному арестанту: брить голову, одевать арестантское платье, заковывать в кандалы, а некоторых и к тачкам, кому таковые были назначены судом, арестанты, конечно, сопротивлялись, начав кидать в солдат досками от нар; полковник Руденко был ранен доской и вместо его пришлось распоряжаться внутри тюрьмы мне, потому что остальные сотни находились за тюремной оградой; когда все арестанты первой камеры были уведены, тогда в камере произведен был подробный обыск, причем было взято много всевозможного огнестрельного и холодного оружия, книг, мехового платья – вещей, запрещенных законом; в это время другие камеры старались сломать дверь и прийти на помощь товарищам первой камеры, но все их попытки отражались казаками, находившимися в коридоре; затем, когда первая камера была обыскана, а арестанты были приведены в законный вид, они были введены обратно в камеру и приступили ко второй, затем к третьей, и т. д. все восемь камер. Работа эта продолжалась до позднего вечера, тогда только была определена точно цифра бежавших. Я приступил к производству порученного мне дознания. Арестанты, как женщины, так и мужчины, отказались от пищи, первые голодали одни сутки, а вторые трое суток; женщины были в совершенно другой тюрьме. Я, конечно, обратил внимание, чтобы пища была хорошая, а в особенности хлеб, и мне удалось как-то ладить с ними в течение целого месяца, хотя я не допускал решительно никаких отступлений; они угрожали разными реакционными мерами, которые будут употреблены вскоре в целой Сибири на произведенное над ними насилие, но против меня эти меры не принимались, хотя я получил предупреждение, что буду убит» (л. 113–114).

В опубликованных документах по истории Нерчинской каторги имя Глинского не упоминается, но вряд ли его свидетельство можно подвергнуть сомнению – совпадают слишком многие детали, а поручение ему как начальнику Читинской местной команды и временному правителю путевой канцелярии забайкальского губернатора (л. 111) оказать помощь командиру казачьим батальоном, было вполне естественно. В тексте мемуариста встречаются некоторые неточности. В «Истории царской тюрьмы» М.Н. Гернета указывается, что после побега «четыре камеры каторжной тюрьмы для политических были разделены каждая на три»⁴⁴, т.е. их не было восемь ни до побега, ни после. Есть и более существенное: голодовка все же состоялась, она продолжалась 13 дней, начиная с 12 июля 1882 г.⁴⁵. Общее число голодающих превысило 60 чел., «тюремное начальство всячески стремилось подорвать голодовку, к камерам заключенным на ночь выставлялась еда»⁴⁶. Хотя заключенным удалось добиться выполнения лишь части требований, они одержали верх в наиболее важном пункте – «тюремщики не решились прибегнуть к телесным наказаниям»⁴⁷. Впрочем, об этих событиях мемуарист мог и не знать и, во всяком случае, он в них не участвовал, так как оставался на Каре после описываемого события не больше месяца (л. 113), т.е. не далее середины июня.

Аналогичное поручение по розыску и поимке бежавших из Баргузина Е.К. Брешко-Брешковской, И.Л. Линева, Н.С. Тютчева и К.Я. Шамарина Глинскому пришлось выполнять и годом позже. Его рапорт и ряд других документов из Государственного архива Забайкальского края были опубликованы известным читинским архивистом Т.А. Константиновой⁴⁸. Этот сюжет и его освещение в мемуарах А.В. Глинского заслуживают особой публикации, которую я надеюсь осуществить несколько позже.

В-седьмых, немало внимания и места уделено описанию тех мест Сибири и Дальнего Востока, где Глинскому удалось побывать более или менее долго. Служивший в

⁴⁴ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. С. 291.

⁴⁵ Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. С. 241–242, 263, 280.

⁴⁶ Антонов С.В. И. Мышкин – один из блестящей плеяды революционеров 70-х гг. С. 71.

⁴⁷ Там же. С. 72.

⁴⁸ «Следовало быть более человечным в отношении к преступникам, в особенности их нравственным и материальным нуждам...»: Документы Госархива Забайкальского края о пребывании Е.К. Брешко-Брешковской на каторге / публ. Т.А. Константиновой // Отечественные архивы. 2014. № 1. С. 83–100.

Троицкосавске, мемуарист описывает Кяхту, пограничный китайский городок Маймачен и его население (л. 139 об.–145 об.). Несколько страниц отведено описанию природы и населения Баргузина и баргузинской тайги (л. 118–119, 122). Несколько подробнее говорится о поездке на Амур, Благовещенске и Владивостоке. Но и здесь больше внимания уделено характеристикам офицеров и чиновников, обвиняемых автором в воровстве и иных злоупотреблениях (л. 160–190).

И последнее (но не по значению!). Воспоминания А.В. Глинского позволяют судить о взглядах и настроениях их автора. Трудно сказать, в какой степени они характеризуют его убеждения и настроения описываемого времени, и в какой – времени создания текста. Тем не менее, очевидны критика и даже осуждение порядков и нравов, царивших в гражданской и военной администрации, состояния пенитенциарной системы, и даже сочувствие «государственным преступникам», особенно административно-ссылным. В рассказах о политических заключенных и ссыльных не встречается проявлений открытой вражды и злобы к ним как «внутренним врагам». Негативные характеристики относятся преимущественно к злоупотреблениям, беспорядкам и вообще недостаткам в функционировании государственного устройства и его отдельных звеньев. Впрочем, трудно было бы ожидать иной позиции от обычного офицера. Однако на его настрой не могло не повлиять безусловное нежелание ехать в Сибирь, а затем и оставаться в регионе. Есть в тексте и рассуждения, прямо не относящиеся ни к военной службе, ни к «охранительным» обязанностям автора. Так, сокрушаясь по поводу того, что на золотых приисках мало применяется техника, Глинский замечал: «...человеческие руки, в особенности житницы Сибири, южного Забайкалья, очень нужны были специально для обработки земли; но наша администрация, приезжающая на два и три года губернаторствовать, устраивала себе пикники и прогулки с именитыми золотопромышленниками, а до экономического положения вверенной им области им нет никакого дела» (л. 52 об.). Это утверждение – во всяком случае, в той его части, которая касается нежелания золотопромышленников применять современные способы добычи, прямо противоречит характеристике М.Д. Бутина, находящейся несколькими листами ранее. Но оно показывает, что критика порядков – напомним, что она относилась почти исключительно к Сибири описываемого времени, – распространялась не только на злоупотребления и злоупотребителей в администрации. Суть, количество и характер обличений, независимо от желания автора, создавали крайне неприглядную картину.

Мемуары А.В. Глинского субъективны и тенденциозны, как и любой эго-документ. В то же время приводимым в них сведениям можно – с известной степенью осторожности – доверять. Тенденциозность автора проявляется преимущественно в суждениях оценочного характера и, при знании контекста, легко прочитывается. Факты, поддающиеся верификации, подтверждены другими источниками, что позволяет предполагать надежность остальных. Таким образом, воспоминания А.В. Глинского довольно правдивы, несмотря на отдельные неизбежные для подобных источников неточности и преувеличения. Они содержат немало ценных и новых сведений. Мемуарист освещает разные стороны жизни нескольких слоев населения Сибири и разные аспекты истории региона 1870-х – 1880-х гг. Наиболее информативны те разделы текста, в которых говорится о воинском быте, политической ссылке и каторге.

Литература

Баяндин В.И. Обучение грамоте и чтению нижнего чина в русской армии во второй половине XIX в. // Шестые Макушинские чтения. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 126–130.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. 1870–1900 гг. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 376 с.

Гефнер О.В. Повседневная жизнь нижних чинов армии в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 138–147.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ссылка и каторга в имперском законодательстве // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск: Оттиск, 2011. С. 66–92.

Дамешек Л.М., Филатов А.В. Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: Оттиск, 2009. С. 223–240.

Иванов А.А. Забайкальская ссылка на иркутском сайте www.penpolit.ru // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). С. 62–70.

Иванов А.А. Законодательство о ссылке и его применение в Сибири во второй половине XIX в. // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). Эл. журнал. 2011. № 4. (<http://eizvestia.isla.ru>).

Иванов А.А. Сибирская политическая ссылка в исследованиях современников. Иркутск: Оттиск, 2013. 153 с.

[*Константинова Т.А.*] «Следовало быть более человечным в отношении к преступникам, в особенности их нравственным и материальным нуждам...» Документы Госархива Забайкальского края о пребывании Е.К. Брешко-Брешковской на каторге / публ. Т.А. Константиновой // Отечественные архивы. 2014. № 1. С. 83–100.

Марголис А.Д. Законодательство об административно-политической ссылке в России конца XIX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1982. С. 50–62.

Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск: изд-во СО РАН, 2010. 551 с.

Мошкина З.В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX в. Чита: изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та, 1998. 112 с.

Петряев Е.Д. Нерчинск. Очерки культуры прошлого. Чита: Читинское книж. изд-во, 1959. 124 с.

Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1 / отв. ред. Л.М. Горюшкин / серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. II. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 292 с.

Степанова (Шенмайер) Н.Г. Каторга в системе карательной политики российского самодержавия // Сибирская ссылка. Вып. 2 (14). Иркутск: Оттиск, 2003. С. 184–198.

Ушакова О.В. Михаил Дмитриевич Бутин: предприниматель и меценат Забайкалья. (60-е гг. XIX – начало XX в.). Новосибирск: Новосибирское книж. изд-во, 2006. 300 с.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. Т. 1. 450 с.; Т. 2. 464 с.

References

Bayandin, V.I. (2003), "Teaching literacy and reading the lower rank in the Russian army in the second half of the XIX century", *Shestyye Makushinskiye chteniya*, pp. 126–130.

Gernet, M.N. (1948), *Istoriya tsarskoy tyur'my* [The story of the royal prison], vol. 3, Moscow, Russia, 376 p.

Gefner, O.V. (2018), "Daily life of the lower ranks of the army in the cities of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries", *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»*, № 2 (18), pp. 138–147.

Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2011), "Link and hard labor in imperial legislation", in *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile], Vol. 6 (18), Ottisk, Irkutsk, Russia, pp. 66–92.

Dameshek, L.M., Filatov, A.V. (2009), "The keep, legal and material status of prisoners of penal servitude prisons in Eastern Siberia", in *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile], Vol. 5 (17), Ottisk, Irkutsk, Russia, pp.223–240.

Ivanov, A.A. (2011), "The Transbaikalian Exile on Irkutsk Website www.penpolit.ru", *Gumanitarny vector*, no. 3 (27), pp. 62–70.

Ivanov, A.A. (2011), *Zakonodatel'stvo o ssylke i yego primeneniye v Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka* [The legislation on the link and its application in Siberia in the second half of the XIX century], *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* (Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava), *elektronnyy zhurnal*, 2011, no. 4, available at: <http://eizvestia.isla.ru>

Ivanov, A.A. (2013), *Sibirskaya politicheskaya ssylka v issledovaniyakh sovremennikov* [Siberian political reference in the studies of contemporaries], Ottisk, Irkutsk, Russia, 153 p.

[*Konstantinova, T.A.*] (2014), "It was necessary to be more humane in relation to the criminals, especially their moral and material needs ..." Documents of the State Archive of the Zabaikalsky Krai about the stay of E.K. Breshko-Breshkovskoy on penal servitude / publ. T.A. Konstantinovoy, *Otechestvennyye arkhivy*, no. 1, pp. 83–100.

Margolis, A.D. (1982), "Legislation on administrative and political exile in Russia at the end of the nineteenth century", in *Gosudarstvenno-pravovyye instituty samoderzhaviya v Sibiri* [State legal institutions of autocracy in Siberia], *Irkutskiy gos. un-t*, Irkutsk, Russia, pp. 50–62.

Matkhanova, N.P. (2010), *Sibirskaya memuaristika XIX v.* [Siberian memoirs of the XIXth century], izd-vo SO RAN, Novosibirsk, Russia, 551 p.

Moshkina, Z.V. (1998), *Nerchinskaya politicheskaya katorga. Vtoraya polovina XIX v.* [Nerchinsk political penal servitude. The second half of the XIX century.], izd-vo Zabaykal'skogo gos. ped. un-ta, Chita, Russia, 112 p.

Petryayev, Ye.D. (1959), *Nerchinsk. Ocherki kul'tury proshlogo* [Nerchinsk. Essays on the culture of the past], *Chitinskoye knizh. izd-vo*, Chita, Russia, 124 p.

Goryushkin, L.M. (ed.), (1993), *Politicheskaya ssylka v Sibiri. Nerchinskaya katorga* [Political Exile to Siberia. Penal Servitude in Nertchinsk], Vol. 1, *History of Siberia. Primary Sources. Issue 2*, *Sibirsky Khronograf*, Novosibirsk, Russia, 292 p.

Stepanova (Shenmayyer), N.G. (2003), "Katorga in the system of the punitive policy of the Russian autocracy", in *Sibirskaya ssylka* [Siberian exile], vol. 2 (14), pp. 184–198.

Ushakova, O.V. (2006), *Mikhail Dmitriyevich Butin: predprinimatel' i metsenat Zabaykal'ya. (60-ye gg. XIX – nachalo XX v.)* [Mikhail Dmitriyevich Butin: businessman and philanthropist of Transbaikalia. (60-s XIX – early XX century)], *Novosibirskoye knizh. izd-vo*, Novosibirsk, Russia, 300 p.

Rezun, D.Ya. (ed.), (2013), *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii v Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic dictionary on the history of merchants and commerce in Siberia], *Akademicheskoye izd-vo "Geo"*, Novosibirsk, Russia, vol. 1, 450 p., vol. 2, 464 p.

Статья поступила в редакцию 15.01.2019 г.